

КЛАД ПЕСЬЯНЕГО ЛОГА

Как-то раз, в один из летних дней 1946 года Александр Васильевич отправился в разведку маршрута очередной экскурсии. Такие разведки он предпринимает обычно один, чтобы выбрать наиболее красивые и мало известные места, где дети могли бы с большей пользой провести время, делая зарисовки с натуры или изучая еще неисследованное геологическое строение земли по оврагам и откосам. Но на этот раз Нецветаев взял с собой юнната Юру Вшивкова.

Уже пройдя километров тринадцать на восток от Очёра, они забрели в Песьяний лог и решили сделать тут короткий привал. Пока Юра собирал сучья для костра, на котором собирались варить обед, Александр Васильевич прилег, закинув руки за голову. Любуясь величавым лесом, он отдался во власть воспоминаний.

Одна за другой пробежали в памяти картины детства, юности, вспоминались друзья, из которых «иных уж нет, а те далече», и среди них — Петр Яковлевич Бояршинов, старый рабочий Очёрского завода, большой любитель побродить с ружьем, поговорить «красиво», за что и был прозван «малиной» ...«Не стало дорогого друга», — с горечью прошептал Нецветаев и мысленно в мельчайших подробностях восстановил день его похорон, состоявшихся много лет тому назад.

Но почему именно на Бояршинове так долго задержалась его мысль? Александр Васильевич смутно вспомнил о каком-то деле, по которому Бояршинов забежал к нему, кажется, еще в 1928 году... Что-то он говорил тогда о Песьянем логге... «Да, да, не зря старик пришел мне на ум именно сейчас, когда я тут валяюсь», — решил директор станции юннатов и напряг всю свою память, силясь отыскать в ней след забытого разговора с Бояршиновым в давнюю пору молодости...

— Эко! — вдруг закричал он неожиданно для самого себя. — Как я мог запомнить такое дело! — И, вскочив на ноги, забыв об обеде, который уже закипал в котелке над костром, Александр Васильевич затормошил изумленного, даже слегка испугавшегося Юру:

— Клад тут должен быть, милый мой Юрчик, клад в этом самом Песьянем логу!

Волнуясь, он потащил не в шутку перетрусившего мальчика к откосу и стал торопливо перебирать руками искрошившуюся на дне лога горную породу.

Набив свои и Юрины карманы отобранными образцами породы и наскоро проглотив у костра сильно выкипевший «сухой бульон», Нецветаев поделился со спутником воспоминанием о важном разговоре с Бояршиновым.

— Понимаешь, — рассказывал он, положив руку на плечо Юры, — пришел тогда ко мне старик и говорит: «Нашел я в Песьянем логу какую-то руду, но что за руда и в толк не возьму». А я, чтоб мне пусто было, пропустил новость мимо ушей, потому что смотрел тогда на мир только через объектив фотоаппарата. А теперь вот, пока ты обед варил, мне все это вспомнилось. Посмотри-ка, кажется мне, что тут марганцевая руда, — и Александр Васильевич выложил на ладонь несколько собранных камней, черными искорками блестящих на солнце.

Взяв с Юры честное пионерское — «никому ни гу-гу» (зачем шуметь раньше времени!), Нецветаев, вернувшись в Очёр, спрятал свою находку под замок. Никто, кроме них, ничего не знал о ней, но многим бросилось в глаза, что директор станции юннатов стал уж очень часто пропадать, как говорили, «в неизвестном направлении». И Юре доставалось дома за таинственные исчезновения на целые дни. А Нецветаев с помощью молодого друга продолжал собирать в Песьянем логу образцы руды и закладывал там шурфы — нечто вроде маленьких шахт, исследуя со всех сторон предполагаемое месторождение.

Много дней провели исследователи в походах за тринадцать километров на восток от Очёра, много пудов породы перерыли и перебрали своими руками, прежде чем Александр Васильевич, окончательно уверовав в ценность своей находки, решил сдать несколько самых крупных образцов руды на анализ в лабораторию Очёрского завода.

Оба ждали результатов анализа с таким чувством тревоги, точно заводские лаборанты решали их собственную судьбу. Наконец, директор завода поздравил «геологов» с большой победой: руда содержала 35 процентов марганца.

Александр Васильевич крепко обнял Юру и, забыв надеть кепку, быстро зашагал в райком партии.

Секретарь райкома Юрий Александрович Миролюбов, оторвавшись от своих дел, встретил Нецветаева, как всегда, радушно. Решил, что Александр Васильевич зашел к нему что-нибудь по-

просить для юных натуралистов, а он им ни в чем не отказывает, всегда и всем говоря :«Станция юннатов — это самый большой и ценный сад нашего района».

— Ну, что надо, старина? — спросил секретарь, протягивая Нецветаеву руку.

— На этот раз — ничего, Юрий Александрович.— На этот раз не от Родины просим, а Родине даем,— произнес несколько торжественно директор станции и высыпал на стол Миролюбова образцы марганцевой руды, прикрыв их белым листком анализа заводской лаборатории.

Еще не улегшееся волнение Нецветаева передалось и секретарю райкома.

— Кто нашел? Где? Когда? — затормошил он Александра Васильевича.

— Юннат Юра Вшивков. В Песьянем логу. Совсем недавно,— ответил в тон Миролюбову Нецветаев, не упоминая о своей роли в этом деле.

— Ах, милые вы мои ребятишечки! — радостно выкрикнул секретарь, забыв, что перед ним человек с седой головой.

— Машину!— приказал он вбежавшему на торопливый звонок курьеру.

Они помчались в Песьяний лог...

А через десять или двенадцать дней из областного города Молотова, куда были отправлены образцы марганцевой руды, пришло письмо из облплана:

«... Уважаемый Александр Васильевич и Юра! — говорилось в этом письме. — Подтверждая получение посланных вами образцов, сообщаем, что результаты исследования их являются весьма обнадеживающими. На основании ваших работ по выявлению месторождения марганцевой руды в местности Песьяний лог геологами молотовской геологической экспедиции будет проведено детальное исследование с целью промышленного использования месторождения. Благодарим вас обоих за ваш совместный труд на благо нашей великой Родины».

Это письмо стало гордостью всех очёрских юннатов. Однако оно не единственное. Хранится на станции юных натуралистов другой документ, похожий по содержанию на первый, но присланный из Молотова уже по другому поводу,— он раскрывает старую тайну «зелёного камня».

ТАЙНА «ЗЕЛЁНОГО КАМНЯ»

Еще в детстве дружил Александр Васильевич со своим ровесником Алексеем Яковлевичем Касьяновым, нынешним заведующим хатой-лабораторией и садовником колхоза имени Чкалова.

Мальчишками они любили лазать в заброшенную каменоломню близ деревни Ежовой, входящей сейчас во владения колхоза имени Чкалова. В те времена Нецветаев и заметил в одной из пещер каменоломни какие-то странные кругляши, проступавшие на фоне серого бутового камня зелеными пятнами.

До революции в Очёре, понятно, не было юных натуралистов, и то, что сейчас взволновало бы каждого очёрского школьника, не вызвало особого интереса у Саши Нецветаева и Алеши Касьянова. Они равнодушно прошли мимо «зелёного камня», который пролежал почти сорок лет, прежде чем принес известность деревне Ежовой и сыну Алексея Яковлевича Касьянова — Павлику...

Дружба Нецветаева с Алексеем Яковлевичем росла из года в год. Вместе провели они юность, вместе, уже взрослыми, учились на курсах садоводов в Свердловске, когда за несколько лет до Великой Отечественной войны Александр Васильевич пристрастился к мичуринским опытам и обзавелся собственным садиком.

В те годы у Нецветаева появился второй друг в колхозной семье Касьяновых. Это был Павлик, ученик средней очёрской школы, полюбивший фотографа за его чудесные способности мастера на все руки. Они выпиливали из дерева игрушки, наполняли альбомы фотографиями и рисунками прелестных видов Очёрского района, безустали, зимой и летом бродили по лесу.

Однажды, вспомнив далекое детство, Нецветаев рассказал Павлику о своей находке в каменоломне близ деревни: Ежовой — о неведомом «зелёном камне».

Должно быть, рассказ фотографа был достаточно красочным и интригующим, потому что Павлик, проявлявший большой интерес к необычайным явлениям природы, стал тщательно изучать каменоломню. Несколько лет подряд он исследовал пещеры, опускаясь туда с фонарем и тщательно осматривая стены, своды, пол, пока не натолкнулся на «зелёный камень», выходявший кругляшами на

Юннат Юра Вшивков.

поверхность серого бутового камня, подобно огромным монетам, и похожий на глаза какого-то чудовища.

Продолжая разведку, Павлик установил, что «зелёный камень» попадаетеся иногда почти у самой поверхности земли, а иногда встречается на глубине нескольких десятков метров. В иных местах этот «камень» травянистого, желто-зелёного цвета, в других — светлозелёного, а иногда грязно-коричневатого и даже черного. Взяв в руки первый отколотый молотком кусок неизвестной находки, мальчик ощутил на пальцах маслянистые следы. Осколок оказался хрупким и как бы мягким.

Не зная, что это, Павлик, однако, допускал и даже был уверен, что его находка имеет большое значение для Родины. Но проверить предположение было не у кого: уже шла Отечественная война, и его друг Нецветаев, который посоветовал бы, что делать с «зелёным камнем», был на фронте. Конечно, он мог сообщить о своем открытии в районные организации, но от этого его удерживало опасение: а вдруг находка не стоит и ломаного гроша и в Очёре посмеются над школьником.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в 1945 году в Очёр не возвратился Александр Васильевич. Его встреча с Павликом была радостной, как встреча старых друзей, и в первый же день юноша рассказал Нецветаеву о своих пещерных исследованиях. Нецветаев внимательно выслушал друга, тщательно осмотрел место находки и отправил образцы ее в Молотов.

Вскоре из областного центра прислали разгадку тайны «зелёного камня» — то самое письмо, с которого начат наш рассказ о заброшенной каменоломне. «Дорогой Александр Васильевич! — говорилось в письме. — Облплан считает первооткрывателем волконскоита в деревне Ежовой Очёрского района вашего воспитанника Павлика Касьянова...»

Юннат Павлик Касьянов.

«Зелёный камень» и волконскоит — одно и то же. Это глинистый минерал, густо пропитанный окисью хрома. Из него делают краску, превосходящую по своим качествам «веронскую зелёную землю» и «богемскую зелень» — долговечные краски, которыми пользовались величайшие художники мира. Волконскоит очень красиво окрашивает эмалированную посуду и применяется как водоочиститель в паровых котлах. Его название произошло от фамилии князя Волконского — министра императорского двора, которому был преподнесен образец этого красивого минерала в 1830 году, когда он впервые был найден на реке Паль Осинского района, бывшей Пермской губернии.

Эта губерния, переименованная теперь в Молотовскую область, является единственным на земном шаре месторождением волконскоита, если не считать незначительных месторождений в Кировской области и Удмуртской автономной республике, граничащих с западным Уралом. Вот почему еще недавно безвестная деревня Ежова, ныне занесённая на геологические карты, приобрела мировую известность, а слава о первооткрывателе волконскоита Павлике Касьянове, ставшем студентом геологического факультета Молотовского государственного университета, полетела далеко за Очёр.